

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава V¹⁾.

Споръ О. А. Новиковой съ Гладстономъ.

Ольга Алексѣевна была очень благодарна Гладстону: великій политикъ постоянно относился къ ней съ рыцарской вѣжливостью, какъ къ женщинѣ, и съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ выдающемуся дипломату. Онъ былъ первымъ поборникомъ дѣла, которое для нея было дороже жизни, и никогда не стѣснялся выказывать высокое почтеніе къ ея преданности славянамъ. Она, съ своей стороны, сильно распространяла въ русской печати высокое мнѣніе о политикѣ Гладстона. Она защищала его отъ всѣхъ противниковъ и имѣла удовлетвореніе знать, что имя и слава Гладстона стояли въ Россіи на той же высотѣ, какъ въ Англии между либералами.

Но, несмотря на то, что ихъ соглашеніе было основано на политическихъ убѣжденіяхъ, такъ же, какъ на личномъ чувствѣ, оно допускало возможность нѣкоторыхъ споровъ между союзниками. Эти столкновенія никогда не нарушали искренности ихъ личныхъ отношеній. Г-жа Новикова прежде всего русская патриотка: она, не колеблясь, вступала въ споры даже съ Гладстономъ, какъ только, по ея мнѣнію, онъ относился несправедливо къ Россіи.

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

Необходимо коснуться хотя бы одной изъ этихъ типичныхъ размолвокъ. Гладстонъ не былъ только интернаціональнымъ государственнымъ человѣкомъ, онъ былъ весьма искуснымъ лидеромъ партіи. Когда онъ находилъ полезнымъ поддержать спорный пунктъ, дающій ему шансы надъ консервативными противниками, онъ избѣгалъ жертвовать голосами избирателей ради своихъ иностранныхъ союзниковъ, голоса которыхъ ничего не значили на выборахъ. Этотъ взглядъ побуждалъ его возражать на безпрестанныя обвиненія консерваторовъ въ его неумѣренной дружбѣ къ Россіи.

Такъ онъ напечаталъ статью, въ которой доказывалъ, что консерваторы, а не либералы, были за послѣднія сто лѣтъ преданными друзьями Россіи.

Это заявленіе „Друзья и враги Россіи“ появилось въ январскомъ № „Nineteenth Century“. Онъ раньше коснулся того же большого мѣста въ статьѣ (за февраль 1878 г.) того же журнала, говоря о Россіи, какъ о государствѣ, дѣйствія котораго въ европейской политикѣ иногда шли даже въ разрѣвъ съ симпатіями Англіи. Въ статьѣ „Друзья и враги Россіи“ онъ идетъ далѣе. Онъ говоритъ, что, за рѣдкимъ исключеніемъ, Россія иногда была въ европейской политикѣ противницей свободы. Кромѣ того, русская государственность поддерживала обыкновенно реакцію съ помощью англійскаго торизма. Онъ даже допускалъ, что Россія была самымъ неподходящимъ орудіемъ для освобожденія Болгаріи. Когда появилась эта статья, Стедъ писалъ г-жѣ Новиковой: „Вы навѣрное прочтете его слова съ негодованіемъ, но онъ не имѣлъ дурного намѣренія, и лучше было бы, если бы Вы не обидѣлись“.

Нѣтъ, г-жа Новикова сильно обидѣлась и вознегодовала.

„Я не вижу причины писать о насъ, какъ о неподходящемъ орудіи для предоставленія свободы“ нашимъ единовѣрнымъ балканскимъ славянамъ,—возразила она: это какой-то парламентарскій вздоръ! Нашъ образъ правленія былъ крайне полезный факторъ: онъ избавилъ насъ и всю Европу отъ татарскаго ига и далъ намъ возможность гигантскими шагами вести нашъ народъ къ просвѣщенію и воспитанію“.

Любопытно, что въ томъ же самомъ № журнала, гдѣ приводилось мнѣніе Гладстона, напечатано было извѣстіе, что освобожденные болгары послали только-что благодарственный адресъ своимъ названнымъ „неподходящимъ орудіемъ“—избавителямъ. Герцогъ Аргальскій соглашался съ болгарами. Онъ сказалъ: напротивъ: „древняя и наследственная непріязнь Россіи къ магометанскимъ

туркамъ сдѣлала ее отмѣнно подходящимъ орудіемъ для избавленія отъ ужаснаго гнета, тяготѣвшаго надъ христіанами“.

Г-жа Новикова отвѣтила Гладстону тремя письмами, появившимися въ „Сѣверномъ Эхо“ подъ заглавіемъ „Друзья или враги“, „Русскія и англійскія партіи“ и „Русская иностранная политика“. Эти письма типично выражаютъ политическія способности Ольги Алексѣевны и ярко показываютъ умѣнье обоихъ противниковъ наносить и отражать удары. Первая изъ этихъ статей начиналась у нея такъ:

„Я ничего не желаю отъ Васъ. Я не прихожу къ Вамъ *pop ut cliens sed ut amicus*. Мое дѣло предложить Вамъ то, что достойно быть принятымъ каждымъ принцемъ Европы, дружбу англійскому государству, которая, если Вы ее оцѣните справедливо и честно, будетъ Вамъ такъ же выгодна, какъ и намъ. Но Вашъ отказъ въ ней принесетъ Вамъ даже больше вреда, чѣмъ намъ“.

„Такое же откровенное заявленіе было сдѣлано англійскимъ посланникомъ, когда шведскій канцлеръ Оксенштирне спросилъ его: чего желаетъ Англія отъ Швеціи?“

„Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ, въ которомъ русскіе не могли бы сдѣлать ничего лучшаго, какъ послѣдовать примѣру англичанъ. Я не посланникъ. Я просто выражаю не исключительно свои взгляды, а взгляды многихъ русскихъ; но если бы я должна была говорить отъ имени Россіи съ Англіей, я не могла бы найти лучшаго выраженія чувствъ, которыя одни могутъ обезпечить искреннее соглашеніе между нами.“

„Намъ не нужно Вашего покровительства, какъ Вы не нуждаетесь въ нашемъ. Вѣрьте мнѣ, рѣзкости и оскорбленія послѣдняго времени не увеличили числа Вашихъ друзей въ Россіи. Неужели дошло до того, что дружба съ Россіей есть измѣна Англіи?“

„Раздраженіе и озлобленіе, во всѣхъ классахъ Россіи, произведенныя вашими угрозами и оскорбленіями, создали грозную преграду между двумя народами, тѣмъ не менѣе, я твердо убѣждена, что если бы Англія измѣнила свои отношенія къ Россіи, Вашъ первый дружескій шагъ встрѣтилъ бы горячій пріемъ у насъ. Инициатива, на этотъ разъ, должна быть Ваша; намъ сдѣлать больше ничего не приходится“.

Затѣмъ г-жа Новикова приводитъ слова Джона Брайта: „У насъ,—говоритъ маститый старецъ,—въ виду двѣ политики, старая, которая, если мы оставимъ ее въ наслѣдство нашимъ дѣтямъ, будетъ

причиной будущихъ войнъ, и новая, за которую я стою и которую проповѣдую: эта будетъ наслѣдствомъ мира и прочной дружбы съ одной изъ величайшихъ имперій свѣта“. „Къ этому я присоединяюсь отъ всего сердца“—говоритъ въ заключеніе г-жа Новикова.

Въ письмѣ „Россія и англійскія партіи“ она утверждаетъ:

„Меня иногда забавляютъ заявленія англійскихъ газетъ о томъ, что Россія возлагаетъ всѣ свои надежды на вступленіе либераловъ въ официальную власть. Что за чепуха?

Соглашеніе съ Англіей основывается на болѣе серьезныхъ фактахъ.

Рѣчи либераловъ часто компрометируютъ ихъ партію. Раздается иногда единичный голосъ въ русской печати съ выраженіемъ вѣры въ честь и искренность приверженцевъ г-на Гладстона, но это голосъ вопіющаго въ пустынь. Издатель „Моск. Вѣдом.“, помѣщающій подобную радужную статью, торжественно заявляетъ, что не согласенъ съ такими мнѣніями, что въ Англии обѣ партіи одинаково плохи, когда дѣло коснется Христіанскаго Востока. Мнѣ больно видѣть, что русскіе почти такъ же мало довѣряютъ либераламъ, какъ и консерваторамъ. Кромѣ того, вѣдь это въ извѣстной степени осужденіе всей моей собственной дѣятельности. Да, всѣ мои усилія внушить моимъ соотечественникамъ довѣріе къ преданности Гладстона дѣлу освобожденія на Востокѣ до сихъ поръ оказались тщетными.

„И не на одномъ Востокѣ русскіе принуждены были смотрѣть равнодушно на политическую борьбу въ Англии. Что это была за распря въ началѣ Афганской войны?“ Я прекрасно помню восторженные крики по случаю заявленія Гладстона въ Гриничѣ, что если вести войну, то ее слѣдовало бы вести съ Россіей, а не съ Афганистаномъ, въ Малой Азіи.

Съ большой горечью я упоминаю объ этомъ, когда касаюсь впечатлѣнія, произведеннаго въ Россіи статьей Гладстона „Nineteenth Century“, за январь 1879 г. Статья эта мнѣ лично была дорога за упоминанія въ ней о нашихъ добровольцахъ въ Сербіи и особенно моего брата Николая. Въ ней столько говорится о нашей искренности въ дѣлѣ освобожденія Болгаріи, что нельзя говорить о ней съ инымъ чувствомъ, кромѣ благодарности. Такимъ великимъ казался Гладстонъ въ Россіи, своей великолѣпной защитой угнетенныхъ. Но его неожиданная попытка доказать свое партійное безпристрастіе временно парализовала остальную его дѣятельность.

Его усилія не вполне увѣнчались успѣхомъ. Южная Болгарія была возвращена туркамъ, и отъ Черногоріи оторвана часть тер-

ритори, тѣмъ не менѣе имя Гладстона несокрушимо запечатлѣлось въ каждомъ славянскомъ сердцѣ, несмотря на вышеупомянутое временное уклоненіе. Въ освобожденіи Болгаріи мы были союзниками, а не врагами, поэтомъ уможно было надѣяться, что если когда-нибудь Гладстонъ вернется къ власти, память объ этомъ затмитъ воспоминаніе о партійныхъ ошибкахъ. Статья Гладстона „Друзья и враги Россіи“, говоритъ Стэдъ, конечно имѣла большое вліяніе въ англійскихъ либеральныхъ кругахъ, доказавъ англичанамъ его безпристратіе, но въ Россіи она естественно имѣла обратное дѣйствіе; на это возражала Ольга Алексѣевна. Пренебреженіе, оказанное другомъ, хуже удара врага. Многимъ кажется, что если Гладстонъ, единственный иностранный государственный дѣятель, къ которому они относились съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, отвергаетъ, какъ обиду, упрекъ въ дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ, если даже онъ могъ дурно отозваться о роли Россіи на Востокѣ, тогда трудно надѣяться на добрыя отношенія между Россіей и Англійей.

„Напрасно я указывалъ на то, говоритъ Стэдъ, что въ той же статьѣ Гладстонъ говоритъ: девизъ либераловъ—дружба съ каждой страной“, но онъ отказывался лишь отъ приписываемаго ему желанія унижаться передъ Россіей.

Если тѣ, кто глубоко сочувствовалъ великому дѣлу Россіи въ освобожденіи славянъ, способны все же ее за что-то упрекать, то въ такой дружбѣ толку мало, возражала на это Ольга Алексѣевна.

Но неужели Россія, принимавшая участіе въ освобожденіи Италіи, въ объединеніи Германіи, въ освобожденіи Греціи, Сербіи, Румыніи и Болгаріи, которая безъ всякаго вліянія извнѣ и безъ революціи освободила 48 милліоновъ собственныхъ крѣпостныхъ,—фактъ, часто забываемый нашими верховными судьями, можетъ, по справедливости, быть подозрѣваема во враждѣ ко всякой свободѣ? Зачѣмъ бороться съ несуществующимъ зломъ?

Если Англія желаетъ нашей дружбы, неблагоразумно отклонить всякую попытку, съ нашей стороны, къ соглашенію. Къ счастью, существованіе и величіе Россіи не зависитъ ни отъ чьей доброй воли, даже Англій.

Будущее принадлежитъ намъ!

Нѣмцы достигли своего дня, англичане полудня, французы заката дня, итальянцы вечера, испанцы ночи, но славяне, они на утренней зарѣ, заключаетъ она.

Третье письмо, озаглавленное „Иностранная политика Россіи“, отвѣтъ г-ну Гладстону, гдѣ она принимала его вызовъ:

Либералы въ партійной политикѣ, пренебрегая нашими чувствами, говорятъ иногда, что на континентѣ Россія всегда, за малыми исключеніями, поддерживала реакціонную политику, что вызвало поддержку англійскимъ консерваторамъ. Англійскіе либералы допускаютъ прямую свободную рѣчь, они нерѣдко имѣютъ благородное мужество сознать свою ошибку, если будетъ сказано, что нѣкоторыя ихъ замѣчанія противорѣчатъ нѣкоторымъ фактамъ, легко могущимъ ускользнуть у нихъ изъ памяти. Это даетъ мнѣ смѣлость настаивать на нѣкоторыхъ истинахъ, повидимому забытыхъ. Россія не Папа—она себя непогрѣшимой не считаетъ, если чье-нибудь счастье заключается въ томъ, чтобы касаться ея недостатковъ, да будетъ такъ, пусть это дѣлается сколько душѣ угодно, но судя по рѣчамъ нѣкоторыхъ англійскихъ лучшихъ государственныхъ людей, мнѣнія которыхъ хорошо обоснованы и вѣски, политика наша за большую часть девятнадцатаго столѣтія была болѣе въ согласіи съ зрѣлыми взглядами англійскаго либерализма, чѣмъ политика самой Англій.

На Востокѣ событія оправдали политику Россіи. Англійскіе либералы сознали наконецъ несправедливость поддержки туркамъ, о которой еще Царь Борисъ Годуновъ говорилъ Англій въ царствованіе королевы Елисаветы. „Да, говоритъ г-нъ Гладстонъ, я согласенъ, что на Востокѣ Россія подала примѣръ прогресса, но это была только благородная непослѣдовательность. Во всемъ другомъ она упорный врагъ свободы, нарушительница мира, угроза независимости націй, словомъ, подходящая союзница англійскимъ консерваторамъ“. Гдѣ доказательства? Мнѣ указываютъ на Бельгію и Венгрію. Я не защищаю нашего вмѣшательства въ Венгрію, о которомъ самъ Гладстонъ говоритъ, что ему предшествовали такія же вмѣшательства со стороны болѣе опытныхъ государствъ, и оно не можетъ сравниться по виновности съ вмѣшательствомъ Англій въ судьбу Сициліи 50 лѣтъ назадъ. Все, въ чемъ можно винить русскую политику относительно Бельгіи, было съ избытковъ вознаграждено покровительствомъ той же Россіи въ 1851 г., когда Наполеонъ желалъ присоединить ее къ Франціи.

Послѣ краснорѣчиваго упоминанія объ услугахъ, оказанныхъ Англій при Александрѣ I, который за нѣсколько недѣль до битвы при Трафальгарѣ спасъ Англійю отъ нападенія и который сказалъ эти правдивыя слова: „Мы возвратили Европѣ ея свободу и независимость“, Ольга Алексѣевна продолжаетъ: „Я не защищаю и не порицаю всей политики Россіи, хотя она иногда служила предметомъ удивленія англійскихъ консерваторовъ. Европа дрожала еще отъ треска французской революціи и не была расположена терпѣть

возстанія, и Александръ, стоявшій во главѣ европейской коалиціи, противъ Наполеона, считалъ себя обязаннымъ поддерживать консерваторовъ противъ всѣхъ революціонеровъ Европы. Послѣ смерти Александра политика Россіи перестала возбуждать наветы англійскихъ либераловъ.

Взгляните въ дѣятельность одного столѣтія и спросите, Англія или Россія выдвигала впередъ политику, которая теперь, по мнѣнію англійскихъ либераловъ, всего болѣе гармонируетъ съ развитіемъ свободы и съ успѣхами цивилизаціи.

Освобожденіе Италіи, объединеніе Германіи, преобразование Австріи и освобожденіе Востока, все болѣе обязано Россіи, чѣмъ Англіи“.

Въ заключеніе приводитъ она замѣчательный обзоръ континентальной политики Россіи.

„Прежде всего я перечислю наши проступки противъ либеральныхъ идей:

„Въ 1819 г. Александръ I на Лейбахскомъ конгрессѣ съ сочувствіемъ англійскаго правительства поддержалъ консервативную политику Германіи.

„Въ 1819 г. на конгрессѣ въ Веронѣ Александръ I-й поддержалъ ту же политику въ Неаполѣ, при сочувствіи англійскаго правительства.

„Въ 1823 г. Россія поддержала французское вмѣшательство въ Испаніи противъ оппозиціи англійскаго правительства.

„Въ 1846 г. Россія въ союзѣ съ Австріей присоединила къ Австріи Краковскую республику противъ протеста Англіи.

„Около того же времени былъ еще случай, когда политика Россіи противорѣчила политикѣ Англіи: лордъ Пальмерстонъ относился къ Греціи, въ дѣлѣ умиротворенія, съ большой жестокостью, что вызвало сильнѣйшій протестъ Россіи. Г-нъ Гладстонъ не можетъ сослаться на это, какъ на примѣръ поддержки, со стороны Россіи, неограниченной власти, противъ свободы и независимости націй, т. к. онъ былъ самымъ яркимъ защитникомъ принциповъ, которые гр. Нессельроде выставлялъ въ своемъ протестѣ противъ политики лорда Пальмерстона; заодно съ Гладстономъ пошло большинство Палаты лордовъ и значительное число самыхъ видныхъ либераловъ Палаты общинъ.

„Въ 1849 г. Россія помогла Австріи въ усмиреніи мадьярскаго мятежа при одобреніи большинства англійскихъ консерваторовъ“.

„Въ 1853 г. Россія произвела нападеніе на Турцію и была атакована Англіей по вопросу исключительнаго протектората, который Англія по соглашенію съ Турціей приняла на себя“.

„Въ 1871 г. Россія, съ согласія всей Европы, измѣнила параграфъ Парижскаго трактата о Черномъ морѣ, измѣненіе, предложенное Австріей четыре года назадъ“.

„Въ 1878 г. Россія съ санкціи англійскаго правительства возвратила себѣ Бессарабію, отнятую у нея въ Крымскую войну“.

„Теперь позвольте мнѣ перечислить случаи, когда наша политика согласовалась съ взглядами либеральной Англии“:

„Въ началѣ девятнадцатаго вѣка Россія въ союзѣ съ Англійей спасла свободу и независимость Европы отъ нашествія Наполеона“.

„Въ 1826 г. Россія освободила Сербію при нейтралитетѣ Англии“.

„Въ 1829 г. Россія съ первоначальной только помощью Англии довела до конца независимость Греціи“.

„Въ 1831 г. Россія съ содѣйствіемъ Англии установила королевство Бельгіи“.

„Въ 1833 г. Россія совмѣстно съ Англійей воспрепятствовала Махметъ-Али разрушить Оттоманскую Имперію“.

„Въ 1840 г. Россія снова съ Англійей спасла Турцію отъ опустошенія Франціей и Египтомъ“.

„Въ 1850 г. Россія съ Англійей заставили Германію очистить Шлезвигъ-Гольштинію“.

„Въ 1853 г. Россія спасла Бельгію отъ захвата Наполеона III, съ искреннимъ одобреніемъ англійскаго правительства“.

„Въ 1850 г. Россія поддержала Францію въ освобожденіи Италіи при оппозиціи со стороны Англии“.

„Въ 1860 г. Россія съ поддержкой Англии согласилась на занятіе Ливана французами“.

„Въ 1866 г. Россія поддерживала Пруссію въ Прусско-Итальянской войнѣ съ Австріей, при нейтралитетѣ Англии, что послужило къ началу объединенія Германіи, къ окончанію единенія Италіи и заключилось освобожденіемъ Венгрии“.

„Въ 1867 г. Россія въ единомысліи съ Англійей обезпечила эвакуацію турецкихъ войскъ изъ сербскихъ крѣпостей“.

„Въ 1868 г. при оппозиціи Англии Россія поддержала возстаніе на Критѣ (къ несчастью недостаточно настойчиво“).

„Въ 1870 г. при нейтралитетѣ Англии Россія оказала поддержку Германіи, заставивъ Австрію остаться нейтральной, чѣмъ, содѣйствовала объединенію Германіи и паденію Французской имперіи“.

„Въ 1875 г. Россія съ Англійей предупредили нападеніе Германіи на Францію“.

„Въ 1877 г. при оппозиціи со стороны Англии Россія освободила Болгарію съ суверенитетомъ Турціи и дала полную независимость Сербіи, Черногоріи и Румыніи“.

„Согласіе между двумя правительствами значительно. Не удивляйтесь же, что мы сомнѣваемся въ здоровомъ разсудкѣ людей, которые систематически утверждаютъ, что удаленіе Россіи съ политической карты и изытіе ея изъ европейскаго равновѣсія должны служить главной цѣлью англійской дипломатіи. Государство, которое стояло во главѣ освобожденія Европы отъ ига Наполеона и освобожденія восточныхъ христіанъ отъ ига Турціи и которое съ успѣхомъ вліяло на сохраненіе Бельгіи, освобожденіе Италіи, единеніе Германіи и преобразование Австріи, не изъ такихъ, присутствіе котораго можетъ быть вычеркнуто изъ совѣщательнаго списка Европы, безъ вреда дѣлу свободы, національности и справедливости“.

Прочитавъ предыдущее указаніе европейской политики Россіи, г. Лавелей (бельгіецъ) писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Дорогая г-жа Новикова. Позвольте мнѣ два слова прибавить въ подтвержденіе Вашего тезиса, что Россія часто защищала въ Европѣ дѣло свободы“.

„Вы допускаете несуществующую ошибку и забываете о либеральномъ актѣ, только-что приведенномъ кн. Меттернихомъ въ его мемуарахъ, вышедшихъ на-дняхъ.“

„Правда. Россія не оправдывала революцію 1830 г., и она была совершенно права. Союзъ Бельгіи съ Голландіей—лучшее, что сдѣлано на Вѣнскомъ конгрессѣ. Это было возстановленіе Нидерландовъ XVI вѣка, историческая формація и основанная на видимыхъ географическихъ преимуществахъ. Голландія снабжала своей торговлей и колоніями. Бельгія доставляла промышленность и земледѣліе.“

„Соединенные Нидерланды образовали устойчивость Европы, т. к. кусокъ былъ слишкомъ великъ, чтобы его могла проглотить Германія или Франція.“

„Въ 1830 году Бельгія не переставала дрожать за свое существованіе. Это неоспоримо. Революція 1830 г. была создана, главнымъ образомъ, католическимъ духовенствомъ противъ протестантскаго короля, и дальновиднѣйшіе изъ либераловъ, всѣ оранжисты, жалѣли объ отдѣленіи Голландіи.“

„Россія, своей оппозиціей, защищала, такимъ образомъ, дѣло свободы и настоящаго равновѣсія. Не очевидно ли, что положеніе наше было бы гораздо сильнѣе, если бы мы остались въ союзѣ съ Голландіей и участвовали бы въ ея торговлѣ и поселеніяхъ. Мы дѣлаемъ неимовѣрныя усилія, чтобы исправить ошибку 1830 года, учрежденіемъ таможеннаго союза.“

„Итакъ, ошибка, которую Вы признаете за Россіей въ прошедшемъ противъ либерализма, не существуетъ. Наоборотъ, Франція поддерживала нашу революцію, надѣясь насъ присоединить, а Англія, изъ зависти къ голландской торговлѣ.

„Вотъ въ чемъ Ваше упущеніе. Меттернихъ съ гнѣвомъ говоритъ, что въ 1814 г. Императоръ Александръ, вмѣсто возвращенія на престолъ Бурбоновъ, пожелалъ созвать собраніе уполномоченныхъ, чтобъ избрать тотъ образъ правленія, который наиболѣе удобенъ Франціи. Онъ предвидѣлъ, что реставрація не можетъ длиться. Меттернихъ не говоритъ о томъ, но это извѣстно, что Александръ согласился бы и на республику.

„Не доказалъ ли онъ свою предусмотрительность и любовь къ прогрессу и свободѣ?

„А нынѣшній Вашъ Государь, развѣ онъ не оказалъ услуги всему человѣчеству уничтоженіемъ крѣпостного права и освобожденіемъ отъ ненавистнаго турецкаго ига народовъ ему не подвластныхъ.

„Теперь нуженъ не парламентъ, а Монархъ съ славянскими демократическими традиціями.

„Но этотъ предметъ завелъ бы меня слишкомъ далеко, я кончаю, оставаясь преданнымъ Вамъ

Эмиль де-Лавелей“.

Лютыхъ, 28 декабря 1879 года.

Въ своей статьѣ въ девятнадц. столѣтіи (XIX Century), за мартъ 1880 г. Гладстонъ признаетъ основательными доводы г-жи Новиковой; дѣйствительно, Россія, когда выступала противъ свободы, всегда вызывала сердечное сочувствіе англійскихъ торіевъ, какъ, напримѣръ, когда они одобрили вмѣшательство Россіи въ войну Австріи съ Венгріей.

Г-жа Новикова, не колеблясь, высказывала свои мысли даже тогда, когда Гладстонъ вызывалъ ее гнѣвъ. И Гладстонъ никогда не жаловался на дружескія замѣчанія своего друга. Онъ старался ими воспользоваться. Напримѣръ, въ январѣ 1880 г. г-жа Новикова напечатала въ выноскѣ къ одной изъ главъ „Россія и Англія“ слѣдующее замѣчаніе:

„Я не могу понять, какъ это англичане, даже либералы-англичане, такъ странно не освѣдомлены на счетъ Румелии“.

Въ слѣдующемъ собраніи, гдѣ Гладстонъ говорилъ рѣчь, онъ успѣшилъ исправить указанное г-жей Новиковой упущеніе. Обращаясь къ Мидлотіанскимъ выборщикамъ въ Единбургѣ, 17-го марта 1880 г. онъ сказалъ:

„Европа возвратила во власть султана и въ тѣ условія, въ которыхъ была вся Европейская Турція до войны, около милліона населенія Македонія, большинство котораго христіане и которому была дана свобода Санъ-Стефанскимъ договоромъ, отданы снова турецкимъ пашамъ и положеніе ихъ ни на іоту не улучшилось послѣ войны“.

Здѣсь Стэдъ дѣлаетъ перерывъ, чтобъ обратиться къ письмамъ Фруда и г-жи Новиковой о предсмертной болѣзни Карлайля. Вотъ что онъ пишетъ:

„22-го іюня 1878 г. Карлайль на видъ здоровъ, но онъ очень слабѣетъ. Жизненный интересъ падаетъ, и взоры его устремлены въ загробный міръ. Что же это? Неужели тамъ снова начнется борьба страстей и надежды и проблескъ счастья? А въ концѣ концовъ усталость и разочарованіе. И это называется вѣчнымъ покоемъ. Лучше сонъ непробудный и безъ сновидѣній.“

„10-го сентября 1879 г. Карлайль чувствуетъ себя хорошо и, какъ всегда, предается своимъ прогулкамъ въ омнибусѣ. Я долженъ возвратиться къ своимъ обязанностямъ, при чемъ въ срединѣ октября и съ этого времени до будущаго лѣта буду, если буду живъ, на своемъ старомъ мѣстѣ въ Онсло-Гарденсѣ. Гдѣ Васъ мы скоро увидимъ“.

Тяжелое извѣстіе о приближающейся кончинѣ Карлайля было сообщено Ольгѣ Алексѣевнѣ такъ: „30-го января 1881 г. Тяжело Вамъ будетъ извѣстіе, хотя не можетъ оно Васъ удивить. Карлайль умираетъ. Онъ сталъ слабѣть, какъ только начались морозы, и ни на минуту не поправлялся. Онъ лежитъ неподвижно въ постели, едва говоритъ, ничего не ѣстъ и спокойно ждетъ конца. Нѣсколько разъ впадалъ въ безсознательное состояніе, изъ котораго не ожидали, что онъ очнется. Онъ можетъ протянуть еще долго, но я не услышу больше никогда его голоса. Я десять дней его не видѣлъ. Онъ не могъ мнѣ сказать что-нибудь, хотя зналъ, что я въ комнатѣ. Большое будетъ волненіе, чтобы похоронить его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, но распоряженія его на этотъ счетъ строги. Онъ долженъ быть возвращенъ къ праотцамъ въ его любимой Шотландіи.“

Жилъ онъ, не видя общественнаго почета отъ своихъ соотечественниковъ, и дѣлать парадное зрѣлище изъ его похоронъ они не должны.

Вскорѣ послѣ его смерти я издамъ два небольшихъ томика его автобіографическихъ воспоминаній, которыя онъ поручилъ мнѣ. Пришлю Вамъ экземпляръ. Касаются они времянь, вещей и лицъ, о которыхъ мало имѣютъ понятія на континентѣ Европы, и едва-ли

они выдержатъ переводъ. Но въ Америкѣ они, я думаю, возбудятъ огромный интересъ. Увидимъ“.

Карлайль умеръ 4-го февраля 1881 года.

Этотъ маститый историкъ открыто высказывалъ свое уваженіе и сочувствіе политической дѣятельности Ольги Алексѣевны.

Но ее цѣнили не въ одной Англїи.

За услуги славянскому дѣлу она получила золотую медаль отъ болгарскаго правительства и высокій орденъ св. Саввы отъ Сербїи. Она настаивала на томъ, что они были ей даны въ память ея брата Николая Карѣва. Но въ Москвѣ въ большомъ собранїи монархистовъ, когда предсѣдатель собранїя поднесъ ей почетный знакъ, ей пришлось согласиться, что отличїя касались лично ея.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

